

В НАЧАЛЕ «ОТТЕПЕЛИ». ПИСЬМО Н.С. ХРУЩЁВУ (1954 г.)

Игорь Васильевич БЕЗИК,
кандидат исторических наук, г. Владивосток.
E-mail: koroleva_val@mail.ru

Статья посвящена проблеме гражданских свобод в постсталинский и начало хрущёвского периода. Автор на примере судьбы одного человека, бывшего морского офицера, показывает социально-политическую атмосферу эпохи.

Ключевые слова: история, политика, общество, реформы, партийные лидеры, гражданские свободы, Дальний Восток России.

At the beginning of “Ottepel”. A letter to N.S. Khrushchov (1954)

I.V. Bezik, Candidate of Historical Sciences, Vladivostok.

The article is on the problem of social freedoms and social-political atmosphere after Stalin’s period — the beginning of Khrushchov time.

Key words: history, politics, society, reforms, party leaders, social freedoms, the Russian Far East.

«Ad Fontes!»
(«К источникам!»)

В период пребывания Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва и членов Президиума ЦК КПСС Н.А. Булганина и А.И. Микояна на Дальнем Востоке (Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область) 17—23 октября 1954 г. ими было получено от граждан Дальнего Востока значительное количество письменных заявлений, обращений, жалоб, записок и собственно писем. В большинстве своём они касались различных животрепещущих региональных и местных проблем социально-экономического и культурно-бытового характера (снабжение продовольствием и товарами ширпотреба, обеспечение жильём, злоупотребление властью конкретными чиновниками на местах, всплеск преступности во всём, фактически «гулаговском» дальневосточном регионе после «бериевской» амнистии 1953 г. и т.д.) [1]. Некоторые письма и обращения затрагивали общие проблемы государственного и культурного строительства, кадровой политики партии и др. Этот визит высшего руководителя правящей коммунистической партии на Восток страны был первым со времени поездки И.В. Сталина в Сибирь в уже далёком 1928 г.(!) и первым столь длительным и масштабным за всю предшествующую социалистическую историю страны. Н.С. Хрущёв делает такие поездки обычной практикой.

Об этой поездке не сообщалось ни в прессе, ни по радио, с учётом тогдашнего уровня развития связи в стране фактически она была конфиденциальной для широкой общественности. Итоговая же информация о ней появится одновременно в центральных газетах и местной прессе в виде перепечаток лишь в начале ноября 1954 г.

Члены Президиума ЦК КПСС прибыли сначала в Приморье по завершении длительного визита в КНР по случаю 5-й годовщины провозглашения республики, посещения советской базы в Порт-Артуре и др. Таким образом, рядовые граждане СССР фактически впервые за долгие годы получили реальную возможность непосредственного выхода на Первое лицо партии. И многие эту возможность попытались использовать (Владивосток, о-в Русский, Находка, Комсомольск-на-Амуре, Совгавань, Южно-Сахалинск).

Среди документов госархивов Приморского и Хабаровского краёв, касающихся визита Н.С. Хрущёва, автор обнаружил материалы в Хабаровском архиве, затрагивающие серьёзные идеологические и политические проблемы, связанные с попыткой выхода на контакт с Первым лицом партии. Особое внимание привлекло письмо в адрес Н.С. Хрущёва, направленное одним из политзаключённых, поэтому сразу привлёкшее к себе особое внимание. Ниже приводится полный текст этого письма с сохранением структуры оригинала, орфографии, пунктуации, а также его расположения на листе рукописного текста.

Для справки. Эсминец проекта 7 «Резвый» (в/ч 51340), на котором ранее служил осуждённый фронтовик, входил в состав ТОФ (затем 5-го Тихоокеанского флота и вновь объединённого ТОФ) с 1940 по 1958 г. Был официально заложен 5 ноября 1935 г., перезаложен 23 августа 1936 г. во Владивостоке (завод № 202 им. К.Е. Ворошилова — Дальзавод) и построен на нём в основном из секций, доставленных с западной части страны. Вступил в строй 24 января 1940 г. Исключён из состава ВМФ 3 апреля 1958 г. [3]. (В 1958 г. прошла так называемая «первая волна» волонтеристских хрущёвских сокращений в ВМФ СССР).

Поясим также, что Нижне-Амурский ИТЛ представлял собой огромную стройплощадку, на которой возводились среди прочего и как основной объект железная дорога и соответствующая инфраструктура от Комсомольска до мыса Лазарева на берегу Татарского пролива территории Хабаровского края. Так как одна из важнейших дальневосточных «строек коммунизма» вскоре после смерти И.В. Сталина была фактически «заморожена», как и ряд других в этом регионе (в том числе и её составная часть — строительство подводного тоннеля на Сахалин), многие заключённые в 1953—1954 гг. попросту не были заняты работой. Царило настроение «подвешенного состояния», безвременья и неясности (и у руководства, и у заключённых) по поводу каких-либо перспектив, что хорошо ощущается при знакомстве с многочисленными документами Хабаровского краевого управления МВД, «строительства 508», Совгаванского горкома КПСС и др. Время существования ГУЛАГа подходило

Первому Секретарю
Центрального Комитета
Коммунистической партии
Советского Союза ХРУЩЁВУ
НИКИТЕ СЕРГЕЕВИЧУ

от заключённого Нижне-Амурского ИТЛ
ГРЕЧИНА АЛЕКСЕЯ ИЛЛАРИОНОВИЧА,
1924 года рождения, бывшего секретаря
первичной партийной организации эска-
дренного миноносца «Резвый» (Тихо-
океанский Флот), злостно оклеветанного
и осуждённого военным Трибуналом Тихо-
океанского Флота в 1950 году по ст., ст.
193—17, п. «а» и 58 -10 ч. I-ой УК. РСФСР к
10-ти годам ИТЛ.

Адрес: г. Комсомольск-на-Амуре, п/о 10,
п/я 322/II—1.

Письмо.

Дорогой Никита Сергеевич!
Пользуясь Вашим присутствием в г. Комсомоль-
ске-на-Амуре я убедительно прошу Вас
уделить мне минут 10 Вашего личного
времени для принесения Вам жалоб особо
важного государственного значения.
С искренним к Вам уважением
— Проситель (подпись) / —/ Гречин /.

20 октября 1954 г.
Комсомольск-на-Амуре [ГАХК. Ф.П.-35. Оп. 46.
Д. 31. Л. 365, 371].

к концу. Многие уже знали, предполагали или догадывались, что в бли-
жайшее время Нижне-Амурский ИТЛ подлежал ликвидации [4].

Нижне-Амурский ИТЛ в системе НКВД был изначально создан
в 1939 г. для обеспечения «Строительства 500» — железной дороги от Ком-
сомольска-на-Амуре до Советской Гавани (введена в строй в июле 1945 г.).

Никаких сведений о личной встрече лидера КПСС с политзаключён-
ным автор пока не обнаружил. Что касается послания Н.С. Хрущёву, ко-
торый находился в Комсомольске-на-Амуре с 20 октября 1954 г. до утра
21, когда он вылетел в Совгавань в рамках своей поездки по Приморью,
Сахалину и Хабаровскому краю, то традиционно, если подобные и любые
другие обращения и письма тем или иным путём достигали адресата (будь

то непосредственно Н.С. Хрущёв или же сотрудники его аппарата), они, как правило, «спускались» на новое (или дополнительное) рассмотрение в соответствующие партийные и (или) государственные органы. Именно так и произошло с данным письмом, однако «делом А.И. Гречина» по какой-то причине заинтересовалась и Москва (или выполнялось поручение, данное Н.С. Хрущёвым?). По запросу Главного Военного прокурора «дело» было направлено в столицу.

Партийные и военные инстанции Хабаровского края вынуждены были всерьёз заниматься этим «неприятным» для них делом. Тем более, что письмо было адресовано самому Н.С. Хрущёву и курировалось Первым секретарём крайкома партии, хорошие и почти дружественные отношения которого с Н.С. Хрущёвым ни для кого на местах не были секретом. Здесь необходим небольшой комментарий. А.Б. Аристов в своё время, до назначения в Хабаровск, занимал после XIX съезда КПСС (октябрь 1952 г.) пост Секретаря ЦК КПСС и был близко знаком с Н.С. Хрущёвым по работе в Секретариате и Президиуме ЦК. А.Б. Аристов, пожалуй, единственный из высоких дальневосточных партийных руководителей, кто так часто цитировал Н.С. Хрущёва и постоянно ссылался на его указания, идеи и т.д. весь этот год после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС и до октября 1954 г. включительно (и особенно во время визита). Доминирующим же мнением дальневосточной партгосноменклатуры было то, что «главным» в этом новом постсталинском «коллективном» руководстве всё же являлся и оставался Председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков. Он во время поездки делегации в КНР, на Дальний Восток и Восточную Сибирь находился в Москве «на хозяйстве» и имел с Н.С. Хрущёвым телефонную и шифрограммную связь (что отражено и в дальневосточных архивах). В частности, автор ознакомился с одним из актов на уничтожение секретной стенограммы пространного послания от Г.М. Маленкова Н.С. Хрущёву. Оно было связано с выработкой позиции советского руководства по одному из аспектов германской проблемы. Уже вскоре, в январе—феврале 1955 г., после Пленума ЦК и сессии Верховного Совета СССР Г.М. Маленков лишился поста Председателя Совета Министров СССР прежде всего по инициативе Н.С. Хрущёва.

Вернёмся к письму Гречина. Скорее всего, лидер партии с «рядовым политзаключённым» лично не встречался, доподлинно неизвестно, знакомился ли он и с самим письмом. Но из письма явствует не только то, что его автор был не согласен с приговором, но и то, что он имел какую-то возможность встретиться с лидером, если бы на то было дано согласие последнего. Судя по архивным сведениям, хотя отрывочным и неполным, это было не первое обращение или письмо осуждённого в вышестоящие инстанции.

О программе посещения Н.С. Хрущёвым и другими членами партийно-государственного руководства СССР городов и посёлков Дальнего Востока заранее официально нигде не сообщалось. Да и сама информация

о поездке, как уже отмечалось, была обнародована лишь в начале ноября по возвращении делегации в Москву, хотя Н.С. Хрущёв во Владивостоке на одной из публичных встреч, демонстрируя «новый стиль» нового постсталинского «коллективного руководства» (скорее, по большому счёту свой стиль), раскрыл дальнейший маршрут визита и ближайшие планы знакомства с регионом.

Итак, письмо было датировано 20 октября, когда Н.С. Хрущёв прибыл в Комсомольск-на-Амуре в сопровождении Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, Министра обороны СССР, Маршала Советского Союза Н.А. Булганина. Другой заместитель Предсовмина СССР, министр торговли А.И. Микоян (1953—1955 гг.), имея самостоятельную часть программы визита в общих рамках турне, отбыл из Владивостока самолётом на Сахалин (г. Южно-Сахалинск), где через два дня встречал двух других членов Президиума ЦК КПСС и сопровождавших их военных и гражданских лиц, прибывших морем на эсминцах в г. Корсаков из Совгавани 22 октября 1954 г. В Совгавани Н.С. Хрущёву на месте пришлось решать вопрос о дальнейшей перспективе ещё одной «стройки коммунизма» сталинского предназначения, «замороженной» после смерти вождя — гигантского военного судостроительного «крейсерского» завода (№ 372).

...На указанном письме осуждённого стоит резолюция Первого секретаря Хабаровского крайкома КПСС А.Б. Аристова, датированная уже 26 октября 1954 г. и адресованная члену Военного Совета (начальнику Политуправления) Дальневосточного военного округа (ДВО) генерал-майору С.П. Васягину с просьбой «ознакомиться с письмом и посоветоваться с Родионом Яковлевичем» (Малиновским, тогда командующим ДВО. — *Примеч. авт.*), как поступить... Отметим, что во время пребывания в Хабаровске Н.С. Хрущёв посетил квартиру Р.Я. Малиновского в качестве его личного гостя, друга и фронтового товарища. По сведениям ряда историков, Р.Я. Малиновский «конфиденциально» снабдил лидера партии немалым количеством негативной информации (в своей интерпретации) о маршале Г.К. Жукове, который в феврале 1955 г. станет Министром обороны СССР, но уже в октябре 1957 г. лишится своего поста после громких обвинений, прозвучавших в его адрес на октябрьском Пленуме ЦК КПСС. Министром обороны станет Р.Я. Малиновский.

Что касается письма, то было принято решение заново проверить дело силами военной прокуратуры округа. Уже 2 декабря 1954 г. Военный прокурор ДВО генерал-майор юстиции А. Попов подписал справку на имя генерал-майора С.П. Васягина с изложением существа дела и результатов проверки. Первый экземпляр справки по указанию С.П. Васягина за подписью начальника секретариата Командующего ДВО майора Г. Суркова был направлен для доклада А.Б. Аристову через особый сектор Хабаровского КК КПСС и получен 14 декабря 1954 г. (вх. № 770) [ГАХК. Ф.П-35. Оп. 46. Д. 31. Л. 366]. Справка приводится полностью с сохранением структуры документа.

СПРАВКА

Во время нахождения Н.С. ХРУЩЁВА в г. Комсомольске-на-Амуре к нему обратился отбывающий наказание заключённый ГРЕЧИН Алексей Илларионович с просьбой о пересмотре его дела.

Проверкой установлено:

ГРЕЧИН А.И., 1924 г. рождения, образование 10 классов, быв. член КПСС, ст. лейтенант, быв. секретарь первичной парторганизации в/части 51340 /подразделение ТОФ/, арестован 21 января 1950 года отделом контрразведки МГБ в/части 25084 за проведение антисоветской агитации.

Военным трибуналом Тихоокеанского Флота 28 апреля 1950 года ГРЕЧИН, на основании ст.ст.58—10 ч,1 и 193—17 п. «а» УК РСФСР, по совокупности совершённых им преступлений, осуждён к лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет, с поражением в правах на 5 лет и с лишением воинского звания «Старший лейтенант» и медалей «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и «30 лет Советской Армии и Флота».

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 7 июня 1950 года приговор по делу ГРЕЧИНА оставлен в силе.

ГРЕЧИН признан виновным в том, что он в течение 1949 года среди военнослужащих в/части 51340 систематически проводил антисоветскую агитацию, возводил клевету на советскую демократию, советскую печать, колхозный строй и на руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, а также восхвалял условия жизни в капиталистических государствах.

Кроме того, в личных письмах на имя министра Обороны, Главнокомандующего ВМС, начальника Главполитуправления ГРЕЧИН излагал известные ему секретные сведения, отправляя эти письма в несекретном порядке.

Виновность ГРЕЧИНА доказана показаниями свидетелей и его личными признаниями на предварительном следствии и в суде.

Так, в августе 1949 года в ленинской каюте части, в беседе со старшиной ДМИТРИЕВЫМ ГРЕЧИН высказал антисоветские клеветнические измышления на советскую действительность и сделал резкий антисоветский выпад против одного из руководителей Советского государства.

Свидетель ДМИТРИЕВ показал, что ГРЕЧИН ему заявил:

«...У нас порядка не будет до тех пор, пока не будет порядка в верхах, а этого порядка и контроля не может быть, так как вся власть сосредоточена в одних руках /при этом назвал имя одного из руководителей партии и правительства/, как он захочет, так и будет...»

И далее:

«...Вот, кто раньше изучал партийные труды, тот знает, что многие труды ЛЕНИНА, а также и некоторые труды /называет имя одного из врагов

партии и Советского государства/ сейчас присвоены /называет имя одного из руководителей партии и Советского государства/».

В этом разговоре ГРЕЧИН высказал и другие антисоветские измышления.

Осуждённый ГРЕЧИН этот факт подтвердил на очной ставке с ДМИТРИЕВЫМ и по существу этого показал:

«...В августе 1949 года, в своей каюте говорил... ДМИТРИЕВУ о том, что один из руководителей партии и правительства присвоил себе труды ЛЕНИНА и что этот руководитель очень груб в обращениях со своими соратниками.

...Далее я сказал, что ОРДЖОНИКИДЗЕ умер после того, как вышел из кабинета одного из руководителей партии и правительства, т.к. руководитель партии и правительства грубо с ним разговаривал...»

Летом 1949 года и в начале 1950 года ГРЕЧИН, находясь в части, в присутствии ряда офицеров, возводил клевету на колхозную систему ведения сельского хозяйства в СССР, а также на одного из руководителей КПСС и Советского государства.

Так, свидетель ГАВРИЛОВ по этому поводу показал:

«...Летом 1949 года я рассказывал о хорошей жизни в колхозе, где я был. ГРЕЧИН, выслушав меня, сказал, что я говорю неправду, ибо в колхозах живут плохо, а далее сообщил, что если бы [в] СССР объявить монархию, а одного из руководителей партии и правительства — монархом, то все бы кричали «Ура», ибо наш народ, как выразился ГРЕЧИН, зажат».

Показания ГАВРИЛОВА подтвердили на предварительном следствии и в суде свидетели ВАРТАНОВ, ШИРШОВ, СТРЕЛЬЦОВ, ДОБРЫНИН.

В сентябре 1949 года ГРЕЧИН восхвалял условия жизни в Америке и одновременно клеветал на условия жизни советского народа, а также делал антисоветские заявления по поводу сообщений советской печати.

Свидетель ГАВРИЛОВ по этому поводу показал:

«В сентябре 1949 года... я просматривал журнал «Америка» № 39... я обратился к ГРЕЧИНУ с вопросом, правильно ли показана жизнь американца. На мой вопрос ГРЕЧИН заявил: «Здесь всё правильно показано. Средний американец живёт не хуже любого русского, это только безработные живут в недостатке, а что пишут в наших газетах, то за чистую монету принимать нельзя. Если бы была плохая жизнь в Америке, то давно бы там были восстания, однако этого там нет и не будет...»

Допрошенный по этому поводу ГРЕЧИН показал:

«...Я сказал, что в Америке живут не хуже нас, и если бы в Америке жили плохо, там была бы революция, как у нас в 1917 году. Я говорил, что наши газеты пишут о том, что в Америке живут плохо, а в самом же деле в Америке живут хорошо».

Далее ГРЕЧИН заявил:

«...Я считаю, что у нас нет свободы слова, ибо если бы она была, меня бы не посадили...»

Летом 1949 года, в беседе с группой офицеров, ГРЕЧИН, на замечание офицера ГАВРИЛОВА о том, что вряд ли народ Югославии пойдёт за кликой ТИТО, заявил:

«Народ пойдёт, куда его пошлёт правительство, об этом и думать не стоит. Ведь как плохо живут наши колхозники — забитые, оборванные и тёмные, однако против власти никто не выступает. ТИТО резко настроен против колхозов, он не согласен с нашей политикой и системой колхозного строя и старается этот путь обойти. Я считаю, что наш колхозный строй будет заменён другим...»

Подтверждая этот разговор, обвиняемый ГРЕЧИН в суде показал:

«ГАВРИЛОВ в этом разговоре сказал, что народ Югославии воевать против СССР не будет. Однако я ему возразил, сказав, что, вот, в СССР во время войны люди жили плохо, однако воевали против немцев и сделали вывод, что если народ заставить, то он будет воевать против кого угодно...»

Из имеющихся в деле документов видно, что отец ГРЕЧИНА в 1930 году раскулачен, однако ГРЕЧИН это обстоятельство скрыл, утверждая, что отец его старый большевик, хотя последний в рядах КПСС никогда не состоял.

Из материалов дела также видно, что в письмах на имя высших начальников, отправляемых обычным порядком, ГРЕЧИН разглашал военную тайну /полное наименование подразделения и т.п./.

На предварительном следствии и в суде ГРЕЧИН в предъявленном ему обвинении виновным себя признал.

Рассмотрев дело ГРЕЧИНА по его жалобе, Приморская краевая комиссия по пересмотру дел на лиц, осуждённых за контрреволюционные преступления, решением от 9 июля 1954 года постановила приговор по его делу считать правильным и не подлежащим пересмотру.

В настоящее время дело ГРЕЧИНА направлено в Москву, по запросу Главного Военного Прокурора.

Приложение: жалоба Гречина [ГАХК. Л. 367—370].

К примеру, если взять лишь один аспект — колхозы, то слухи о том, что после войны колхозы будут распускать ввиду их неэффективности, многочисленные высказывания колхозников о желательности такой акции уже отражены в целой серии серьёзных журнальных и книжных публикаций по теме послевоенной советской деревни, основанных на расклеванных архивных материалах.

Текст справки не нуждается в пространный комментарии или дополнительном анализе. Можно лишь отметить, что такие темы, высказывания и «измышления» в послевоенные «позднесталинские» годы были не так уж редки и весьма схожи по сути и даже по форме для всех регионов страны, о чём свидетельствуют научные публикации последнего десятилетия, опирающиеся на документальную базу. Это «колхозы», «нищета населения», «Сталин», «фашистская клика Тито в Югославии», «США», «демократия»...

Можно сослаться и на опубликованное в 2005 г. письмо майора Брайко в адрес И.В. Сталина от 20 июля 1945 г., в котором он описывал ужасающее положение в колхозе одной из деревень на Украине. Даже с учётом недавно окончившейся войны[6]. (И за «язык», «разговорчики», «анекдоты» в стране сидели многие).

Случайно или предостерегающе-назидательно, но арест А.И. Гречина произошёл в широко отмечаемый в сталинские годы День Памяти В.И. Ленина, т.е. в день его смерти 21 января.

Однако предоставленная справка явно в чём-то не удовлетворила А.Б. Аристова, который чётко уловил «критический настрой» Н.С. Хрущёва по отношению к недавнему лидеру (И.В. Сталину) и многим аспектам прежней внутренней и внешней политики, недвусмысленно, хотя и осторожно, продемонстрированный новым главой КПСС в период его визита на Дальний Восток. Особенно этот настрой проявился на совещании с рыбаками во Владивостоке и во время похода на борту крейсера «Калинин» по пути из Владивостока в залив Стрелок, где Н.С. Хрущёв знакомился с местом строительства будущей новой Главной ВМБ ТОФ (ныне г. Фокино), т.е. задолго до XX съезда КПСС (февраль 1956 г.).

Сегодня об этом свидетельствуют не только обнаруженные автором архивные документы, но и воспоминания известного политического и общественного деятеля последних десятилетий А.Н. Яковлева. Во время этой поездки он входил в группу сопровождавших ответработников ЦК КПСС. Спустя 40 лет (1994 г.) бывший партфункционер вспоминал свою тогдашнюю реакцию на по-своему сенсационные «откровения» Н.С. Хрущёва о сталинском периоде на встрече с рыбаками

Приморья: «...я слушал выступление Никиты Сергеевича перед местным активом, включая капитанов рыболовных сейнеров, в котором к ужасу своему я был ошарашен весьма нелестными словами о временах Сталина... Вернувшись в Москву, я боялся рассказывать об этом своим знакомым, только друзьям — и то по секрету». Об этом же критическом настрое свидетельствует адмирал Ю.А. Пантелеев, бывший в тот период командующим ТОФ.

...Безусловно, любые нюансы в поведении во время поездки по Дальнему Востоку нового лидера партии тут же докладывались «доброхотами» первым лицам региона, если они не присутствовали сами на том или ином мероприятии. И, по сути, антисталинские «пассажи» Н.С. Хрущёва, имевшие место в Приморье, не могли не быть известны А.Б. Аристову. Такими были общепринятые «правила игры» и нравы партноменклатуры.

Забегая вперёд, отметим, что А.Б. Аристов, единственный из трёх первых лиц региона, не вызвавший раздражения и нареканий у Н.С. Хрущёва в ходе этой поездки, вскоре, в июле 1955 г., будет вновь избран секретарём ЦК КПСС. Можно предположить, что ещё в октябре 1954 г. Н.С. Хрущёв пообещал «вернуть» его в Москву.

Первый секретарь Приморского КК КПСС Д.Н. Мельник, креатура Г.М. Маленкова, был «снят» в марте 1955 г. сразу же после потери высокого поста его покровителем в Кремле. Сахалинский Первый секретарь обкома КПСС П.Ф. Чеплаков остался на своём месте до августа 1960 г. (Как шутили тогда, ссылать далее уже было некуда).

Маршал Р.Я. Малиновский, о котором Н.С. Хрущёв не забывал, в марте 1956 г. станет 1-м заместителем министра обороны СССР и Главкомом Сухопутных войск, а в 57-м, как уже отмечалось, сменит Г.К. Жукова на посту министра обороны.

Что касается А.Б. Аристова, то по поручению Н.С. Хрущёва в конце 1955 — начале 1956 г. вместе с П.Н. Поспеловым, также секретарём ЦК КПСС, он готовил материалы к «секретному докладу» Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС (25 февраля 1956 г.), возглавляя до этого, как и П.Н. Поспелов, соответствующие комиссии по проверке обоснованности массовых репрессий в стране в сталинский период [7] (в публикациях сообщается об одной — двух комиссиях, возглавлявшихся этими секретарями ЦК КПСС). Известный историк и писатель Р.А. Медведев в выступлении на заседании «круглого стола», прошедшего в Госдуме 13 февраля 2006 г. и посвящённого 50-летию XX съезда, указал, что «ещё в 1954 г. была создана Комиссия ЦК (во главе с известным сталинистом, секретарём ЦК КПСС П.Н. Поспеловым) (Фейдельсоном) для расследования массовых репрессий [8].

После XX съезда (1956—1957 гг.) секретарь ЦК А.Б. Аристов занимался многими проблемами реабилитированных, бывших репрессированных советских, партийных, хозяйственных и др. работников (персональные

пенсии, жильё, компенсации, трудоустройство и т.п.). Он поддержал лидера КПСС и в июне 1957 г., когда некоторые члены высшего партруководства попытались сместить Н.С. Хрущёва, во второй половине 1950-х гг. возглавлял Бюро ЦК КПСС по РСФСР. (Напомним, что самостоятельной компартии России в отличие от других республик Союза не существовало). Но к началу 1960-х гг. по не совсем ясным до сих пор для историков мотивам Н.С. Хрущёв перестал его привечать и «звезда» А.Б. Аристова «закатилась». Он ушёл в политическое небытие, не будучи избранным на XXII съезде КПСС (1961 г.) в состав высшего партруководства. Когда «снимали» самого Н.С. Хрущёва (октябрь 1964 г.) вновь всплыло имя А.Б. Аристова (в реплике Л.И. Брежнева) как невинно «пострадавшего» от Н.С. Хрущёва. Однако в рассматриваемый нами период А.Б. Аристов ещё оставался Первым в Хабаровском крае.

...В «деле» А.И. Гречина, становившимся всё более объёмным, окончательной точки поставлено не было, и его вновь отправили на перепроверку. Но военная юстиция продолжала стоять на своём. В письме на имя заведующего отделом административных и торгово-финансовых органов Хабаровского КК КПСС Мальцева (вх. № 260 от 21 апреля 1955 г.) Военный прокурор Дальневосточного Военного округа генерал-майор юстиции А. Попов информировал.

Товарищу МАЛЬЦЕВУ

Сообщаю, что после доклада первому секретарю крайкома КПСС тов. АРИСТОВУ обстоятельств по делу ГРЕЧИНА Алексея Илларионовича, осуждённого 28 апреля 1950 года Военным трибуналом Тихоокеанского Флота по ст.ст.58—10 ч. 1 и 193—17 п.»а» УК РСФСР к лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет, дело ГРЕЧИНА мною истребовано было вторично.

При изучении дела кроме обстоятельств, изложенных в справке на имя тов. АРИСТОВА, установлено, что ГРЕЧИН А.И. будучи секретарём парторганизации воинской части вёл переписку с ректором духовной православной академии о возможности поступления в академию.

В показаниях по этому вопросу ГРЕЧИН говорит, что действительно хотел быть попом, т.к. попы «работают мало, а получают много».

Обвинение ГРЕЧИНА в проведении антисоветской агитации и разглашении секретных сведений в полной мере доказано, осуждён он правильно и оснований для постановки вопроса об отмене или изменении приговора Военного трибунала — не имеется [ГАХК. Л. 365]. Но, как видно из документа, дополнительные «отягощающие» сведения, если принимать их на веру, приведённые в официальном письме в качестве нового «аргумента» (переписка с ректором духовной академии), явно «не тянули» на откровенную и враждебную антисоветчину в условиях начавшейся «оттепели». В архивных документах сохранились и некоторые «трак-

таты» А.И. Гречина, в которых он рассуждает о власти, плюсах и минусах Системы и т.д., причём его морально-психологическое, душевное состояние можно трактовать по-разному. Сохранились и другие материалы, связанные с его предыдущей жалобой от 24 июля 1954 г. Дальнейшую судьбу осуждённого и «дело», связанное с письмом, автор не смог проследить до конца из-за отсутствия (необнаружения) соответствующих материалов в архиве.

Напомним, что тот период был преддверием XX съезда, на котором Н.С. Хрущёв выступил с докладом о культе личности И.В. Сталина и его последствиях. После съезда, как известно, процесс реабилитации пошёл ускоренно [7], и хочется думать, что судьба фронтовика в дальнейшем сложилась более благополучно.

Можно указать и на то, что иные, даже схожие критические замечания в адрес Партии и Системы со стороны военнослужащих ТОФ во второй половине 1950-х гг., зафиксированные в документах архивных коллекций, нередко имели уже значительно менее суровую реакцию властей. Как правило, это было исключение из КПСС или ВЛКСМ, увольнение со службы (для офицеров) и др. Естественно, такие люди оставались на особом контроле спецслужб по месту жительства или работы, имея, по существу, «волчий билет». Осуждали же за конкретные (или приписываемые) планы «свержения правительства», бегство за рубеж с использованием торпедных катеров (в Японию) и т.д., другие варианты «измены Родине» [ГАПК. Д. 808. Л. 91—98].

Через два—три года после письма Н.С. Хрущёву многие аналогичные мысли и высказывания, принадлежавшие осуждённому офицеру А.И. Гречину, станут в стране повсеместным явлением. Они зафиксированы в различных документах госархивов Приморского и Хабаровского краёв, и это только те из них, которые в ходе работы были обнаружены автором. Такой всплеск был связан с XX съездом КПСС и начавшимся после него буквально лавинообразным процессом переосмысления и переоценки прошлого и определённой либерализацией в обществе.

Так, в информации, направленной из Приморья в ЦК в отдел парторганов по РСФСР (январь 1957 г.), о проведении партсобраний по обсуждению закрытого письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» отмечалось, что на заводе № 202 им. К.Е. Ворошилова (Дальзавод, г. Владивосток), в цехе № 19 коммунист Ванеев допускал «антисоветские высказывания» о том, что «для увеличения производства хлеба в стране надо распустить колхозы и дать простор частной инициативе». Согласно той же справке «нездоровые настроения» слесаря депо Первая Речка (г. Владивосток) Герасименко выразились в его заявлении: «Порядки в нашем хозяйстве несовершенные и их надо менять», «...в газетах пишут больше болтовни, чем правды», «...социалистическое соревнование и социалистический договор — это пустая бумажка» и т.д.

На паровозоремонтном заводе в г. Ворошилове-Уссурийском рабочий — комсомолец Федоренков заявил «...если на заводе не будет урегулирован вопрос с оплатой труда разнорабочих, то они поступят так же, как поступили рабочие в Венгрии» (Венгерское восстание 1956 г.) [ГАПК. Оп. 30. Д. 10. Л. 66—68].

В справке о состоянии массово-политической работы среди моряков заграничного Дальневосточного пароходства (август 1958 г.) отмечалось: «...на пароходе «Валерий Чкалов» руководителем кружка по изучению решений XX съезда был назначен пьяница, старший механик Чернуха. Выступая перед слушателями, он восхвалял жизнь в капиталистических странах, буржуазную демократию, неодобрительно отзывался о советских порядках, распространял упаднические настроения...» и т.д. [ГАПК. Л. 181—189]. (Оценка понятна — ведь «пьяница»). Примеры можно продолжать.

Такова краткая история событий, связанных с письмом на имя Н.С. Хрущёва одного из дальневосточных флотских «диссидентов» первых послевоенных лет. Любопытно, что в книге, вышедшей во Владивостоке в 2002 г. и посвящённой 70-летию контрразведки ТОФ, это имя не упоминается в разделе «Первые флотские диссиденты» [10]. Хотя и там приведены лишь некоторые фамилии военных — инакомыслящих, пытавшихся самостоятельно думать и давать при этом свою оценку политико-экономическим реалиям социалистической системы СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Касатонов И.В. Флот выходит в океан. СПб., 1995. С. 275—276; Пантелеев Ю.А. Под флагом Правительства СССР: (Глава из книги воспоминаний) // Звезда. СПб., 1995. № 7. С. 187, 192, 194.
2. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. П.-35. Оп. 46. Д. 31. Л. 365, 371.
3. ГАПК (Государственный архив Приморского края). Ф. П.-68. Оп. 34. Д. 647. Л. 89—90, 108—109; Д. 808. Л. 92; Бережной С.С. Корабли и суда ВМФ СССР. 1928—1945: справочник. М., 1988. С. 31; Тайфун: Воен.-техн. альманах. 2000. № 4. С. 18—19.
4. ГАХК. Ф. П.-35. Оп. 61. Д. 341. Л. 10; Свободная мысль. 2001. № 6. С. 113, 114; Владивосток. 1999. 20 июля.
5. ГАХК. Ф. П.-35. Оп. 46. Д. 31. Л. 366—370.
6. Коммерсантъ — Власть. 2005. № 22. С. 61; Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945—1948 годы: по материалам ЦК ВКП(б) // Отеч. история. 1998. № 3, 4 и др.
7. Аргументы и факты. 2006. № 7; Известия. 2006. 13 февр.; Обществ. науки и современность (ОНС). 2006. № 4. С. 113.
8. Отеч. история. 2007. № 4. С. 209—210.
9. См.: Реабилитация: Как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 2. Февр. 1956 — начало 80-х гг. М., 2003.
10. Честь и Верность: 70 лет Военной контрразведке Тихоокеанского флота. 1932—2002. Владивосток, 2002. С. 246—250.